

Только когда небо постепенно потемнело, Чан Юань покинул императорский кабинет.

Дверь императорского кабинета открылась и закрылась, и главный личный помощник Гао Цзинь вошел в зал, увидев Цзинь Вана, откинувшегося в кресле дракона и устало сжимающего межбровье.

Гао Цзинь подошел к нему. "Ваше Величество устало. Может быть, этот покорный слуга надавит его для вас?"

"Не обращайтесь внимания", - Цзинь Ван махнул рукой и спросил, - "Что сейчас делает министр Е?".

"Министр Е еще спит".

Измученное выражение лица Цзинь Вана немного рассеялось, и в его глазах появилось тепло. "Спит весь день, этот парень..."

Гао Цзинь неуверенно сказал: "Этот покорный слуга видел, что министр Е не в хорошем расположении духа в эти дни. Возможно, он перетрутился и повредил свое тело".

Цзинь Ван бросил на него взгляд. "Вы хотите сказать, что Гу не знает умеренности?"

"Я не смею."

Главный личный помощник поклонился, но на его лице была написана фраза: "Разве ты не знаешь этого в своем сердце?".

Цзинь Ван был в ярости. "Последние несколько дней Гу просто..."

..... просто не трогал его.

После того, как служба закончилась, Цзинь Ван эфемистично спросил императорского врача.

Императорский врач ответил: "Благовония веры Цяньцзюня бесплотны, но они могут оказывать большое влияние на Куньцзюня, гораздо более сильное, чем обычные дистиллированные духи. Кроме того, подавляющее средство, принятое министром Е, подавляет его благовоние веры, делая невозможным его резонанс со своим Цяньцзюнем."

"Быть способным чувствовать запах и реагировать, но неспособным впитывать, это и было причиной его пьянства".

Короче говоря, если Е Шу не прекратит принимать эту пилюлю, то он не сможет трезво смотреть на благовония веры Цзинь Вана.

Конечно, был и другой способ кропотливо контролировать, чтобы благовония веры Цяньцзюнь не выпускались всякий раз, когда их уносили облака и дождь.

Однако воздержание было еще хуже, чем трезвость.

Цзинь Ван не хотел ни злоупотреблять собой, ни возиться с бессознательным человеком. Таким образом, в последние несколько дней между ним и Е Шу была близость, но ни разу они не зашли дальше.

Цзинь Ван чувствовал себя подавленным при мысли обо всем этом. Увы, всегда находились люди, которые бросались под дуло пистолета.

Гао Цзинь уже много лет следил за Цзинь Ваном и знал, как лучше наблюдать за его речью и поведением. Видя, что Его Величество уже готов вспылить, он поспешно сказал: "Этот покорный слуга только что попросил императорскую кухню приготовить любимое пирожное министра Е. Наступило время вечерней трапезы. Не желает ли Ваше Величество разбудить министра Е к обеду?".

Конечно, при упоминании Е Шу цвет лица Цзинь Вана немного улучшился, и он сказал: "Гу лично пойдет и позовет его. Приготовьте еду".

-

Е Шу не выносил света, когда спал, поэтому в спальне горела только лампа с темным стеклом. Когда Цзинь Ван вошел, молодой человек все еще лежал на мягкой кровати и крепко спал.

Сегодня он много расспрашивал Чан Юаня. Все, что касалось Е Шу за последние три года, все странные происшествия, все мелочи, все вопросы, будь то важные или незначительные.

Цзинь Ван не совсем верил всем словам охранника. Но одно было очевидно: эти три года действительно были не такими простыми, как он думал.

Был ли это самозванец, или это была тема, которую лучше обходить стороной?

На данный момент Цзинь Ван не имел ни малейшего понятия. Он сел на кровать, посмотрел на спящую фигуру и со вздохом прошептал: "Сколько у тебя еще секретов, о которых не знает Гу?".

Молодой человек с закрытыми глазами вдруг сказал: "Не скажу".

Цзинь Ван, "....."

На мгновение Цзинь Ван подумал, что молодой человек намеренно притворяется спящим, но в следующую секунду он услышал, как Е Шу пробормотал: "Почему я должен рассказывать тебе, Цзинь Ван".

Цзинь Ван, "....."

Очень хорошо, все еще спишь.

Цзинь Ван в ответ злобно улыбнулся и наклонился, мгновенно сделав их обоих очень близко друг к другу. "Ты еще раз посмеешь поклясться?"

Е Шу во сне, казалось, ощутил чувство угнетения со стороны внешнего мира, слегка нахмурился и сказал: "Сук-".

Не успел он закончить это слово, как его яростно блокировали.

Цзинь Ван приложил некоторую силу, облизывая и обглаживая эти мягкие губы, и сильно всасывая их.

Е Шу проснулся в середине этого поцелуя, открыл глаза, и его затуманенное зрение тут же встретилось с прекрасными губами.

Они молча смотрели друг на друга.

Е Шу моргнул в оцепенении, Цзинь Ван спокойно отпустил его. "Проснулся?"

"Я....." Е Шу, еще не очнувшийся от долгого сна, наклонил голову и поднял руку, чтобы коснуться губ, онемевших от поцелуя.

Цзинь Ван восхитился его растерянным видом и не смог удержаться, чтобы не ущипнуть молодого человека за щеку.

Тепло и гладко; прекрасное ощущение.

Сознание Е Шу постепенно возвращалось, и он спросил: "Ты опять хитростью воспользовался мной?".

"Нет." Цзинь Ван отдернул руку. Не дожидаясь, пока Е Шу переспросит, он добавил: "Этот Гу честен и чист душой".

Е Шу, "....."

В дверь спальни постучали. Это слуга принес вечернюю трапезу.

Цзинь Ван выпрямился. "Не спи, вставай и ужинай".

Е Шу в эти дни много спал и ел, и его вкусы стали очень разборчивыми: он не ел простую пищу, мясо, рыбу, острые блюда, и даже отложил в сторону лук и имбирь. Обслуживать его было даже сложнее, чем самого правителя.

Напротив, правитель был рад его баловать и велел императорской кухне каждый день готовить его любимые блюда разными способами.

На столе были разложены различные деликатесы. Е Шу скользнул взглядом по столу, и его глаза остановились на изысканном и утонченном пирожном.

Цзинь Ван молчаливо понял и положил его на свою тарелку. "Хочешь это съесть?"

"Хмн." Е Шу кивнул.

Тесто было как раз такой мягкости, как нужно. Оно было посыпано семенами кунжута и имело светло-розовую начинку с кисло-сладким вкусом.

Е Шу удовлетворенно прищурил глаза.

Цзинь Ван не трогал его палочки. Он спокойно наблюдал, как тот доедает кусок, а затем, положив перед ним другой кусок, неторопливо сказал: "Гу помнит, что мой любимый министр раньше не любил есть такое тесто".

Рука Е Шу замерла, и пирожное упало на стол.

"Гу помнит прошлогодний вечерний банкет для всех министров. Дворец пригласил повара из Янчжоу, который специализировался на всех видах выпечки и сладких супах", - Цзинь Ван сделал паузу, а затем сказал: "Мой любимый министр сказал, что не любит сладкое; и действительно, в тот вечер он не притронулся ни к одному кусочку".

"Не... Неужели случилось что-то подобное?" Е Шу задумался на мгновение и улыбнулся. "Ваше Величество также сказали, что это было в прошлом. Этому субъекту раньше не нравилась эта

сладкая и тягучая пища, но вкусы людей меняются. Что в этом странного?"

Цзинь Ван улыбнулся. "А, значит, так оно и есть".

Больше они не затрагивали эту тему. Цзинь Ван снова положил перед Е Шу еще один кусок теста. Еда была такой гармоничной и теплой.

Только слуга, ожидавший в стороне, слушал в трансе.

Когда в прошлом году Его Величество устраивал вечерний банкет для всех министров? Откуда взялся повар из Янчжоу? Если министр Е не любил есть сладости..... тогда, несколько лет назад, почему Его Величество всегда посылал дворцовую выпечку в особняк Е?

У него что, память отшибло????

Наевшись до отвала, Е Шу откинулся на мягкую кушетку, прищурил глаза, лениво потирая живот, как сытый кот.

Цзинь Ван поднял глаза от складного мемориала. "Неважно себя чувствуешь?"

"Нет, - сказал Е Шу, - немного вздулся..."

Цзинь Ван продолжил: "Съешь еще раз".

".....", - фыркнул Е Шу, не желая признавать его.

В зале было тихо. Некоторое время был слышен только звук перелистываемых страниц в руках Цзинь Вана.

Через несколько мгновений тишины дверь, оставленная приоткрытой, тихонько звякнула, и из нее донеслось негромкое мяуканье.

Е Шу выпрямился, его глаза загорелись. "Сан'эр здесь".

Группа котят, которых привезли обратно, оставалась во дворце. Кроме матери-кошки, там было пять котят, которых звали по отдельности И, Эр, Сан, Си, Ву.

Котята росли быстро и энергично, целыми днями оживленно прыгали повсюду, пока не осталось ни одного на виду.

Только третий любил играть с Е Шу.

Он был полон решимости оправдать свою репутацию до самого конца.

Дверь открылась, и котенок по имени Сан'эр мгновенно ворвался внутрь. Темные, идеально круглые глаза маленького котенка обратились к Е Шу, который все еще сидел на мягком диване.

Он забрался на диван и по собственной инициативе протянул голову к руке Е Шу, потирая ее и издавая при этом детский писк.

Е Шу не удержался, взял котенка на руки и несколько раз поцеловал его.

Когда Цзинь Ван поднял голову от мемориала, он увидел, что мужчина и котенок, прижавшись друг к другу на мягком диване, уже крепко спят. Он подошел к дивану, взял на руки котенка и передал его слуге, ожидавшему в стороне. Затем, опустившись, он поднял Е Шу на руки.

Почувствовав знакомый запах, Е Шу не открыл глаза, но его руки сами собой поднялись и обхватили шею Цзинь Вана.

При любой возможности, такого отношения зависимости было достаточно, чтобы доставить удовольствие другому.

Шаги Цзинь Вана немного стихли, и он осторожно положил мужчину на кровать.

Тело Е Шу коснулось мягкой постели и уютно вытянулось, он полуоткрыл глаза и потер их руками. "Ты закончил просматривать мемориалы?"

Цзинь Ван: "Нет, сначала тебе нужно отдохнуть".

"Так не пойдет", - мгновенно протрезвел Е Шу, все еще с трудом сидя. "Ты вернешься и снова будешь искать причины, чтобы мучить людей".

Цзинь Ван нахмурился. ".....Лежи".

Е Шу был слишком слаб, чтобы двигаться.

Цзинь Ван: "Раздевайся и ложись спать".

Е Шу послушно сделал то, что ему сказали. Он снял обувь и отложил халат в сторону. Цзинь Ван наклонился и осторожно снял с его затылка украшение для волос.

Длинные волосы, словно водопад, мгновенно рассыпались по кровати.

Цзинь Ван посмотрел на него и тихо сказал: "Завтра мы вернемся во дворец".

Это было не то, чего ожидал Е Шу.

Его Величество Император почти весь месяц оставался в этой обители под предлогом "выздоровления", в последние дни он не посещал суд и не принимал вызовов; даже государственные дела, которые решались, были только очень срочными.

И хотя государственные дела вряд ли можно было забросить, эффективность их выполнения должна была сильно пострадать.

Не говоря уже о том, что с момента трансмиграции Е Шу до настоящего времени сюжет в книге так и не был запущен.

По счастливой случайности Его Величество Император наконец-то вспомнил, что ему еще нужно управлять государством.

Е Шу безразлично задумался. Какая радость.

Однако в следующую секунду Цзинь Ван добавил: "Подготовка к свадебной церемонии уже не за горами, и Гу хочет лично проконтролировать ее".

"....."

Цзинь Ван улыбнулся. "Иди спать, нам завтра рано вставать".

Неужели он трансмигрировал в пиратскую книгу????? Этот человек действительно не имел никакого смысла в своем характере!

-

Рано утром следующего дня карета и лошади правителя выехали из своей обители и направились в императорский город.

На этот раз правитель ехал без лишнего шума, лишь несколько стражников сопровождали его впереди и позади кареты, большинство из них прятались в тени.

В передней части кареты сидел верхом Чан Юань, бдительно оглядываясь по сторонам.

Е Шу опустил занавески кареты и облегченно вздохнул.

Цзинь Ван оказался верен своему слову и не сделал ни шагу против Чан Юаня.

"Что, Гу не солгал тебе, да?" Внутри кареты Цзинь Ван неторопливо потягивал чай.

Е Шу кивнул и искренне сказал: "Большое спасибо, Ваше Величество, что пощадили его жизнь".

"Просто устное слово благодарности?"

терпеливо спросил Е Шу, - "Что нужно Вашему Величеству?".

Цзинь Ван не спешил с ответом. Он смотрел на Е Шу немигающими глазами, а затем слегка улыбнулся. "Гу, в обмен на это, хочет узнать ваш секрет, который не знает никто другой. Ты не можешь лгать".

<http://bllate.org/book/14246/1258594>